

Не прошло и получаса с тех пор, как он сел за стол, а семейка Лу из трёх человек уже едва не схватилась за сердце от его слов.

Супруги Лу переглянулись и увидели, что оба хмурятся, а в глазах друг друга уловили почти незаметную тревогу.

Мать Лу почувствовала: что-то не так. По её лицу вдруг покатались две дорожки слёз.

— Ребёнок, ты нам не веришь?

Отец Лу как раз хотел поддержать жену, но тут ему в уши ударил громкий ответ:

— Да.

На губах Цзян Чэнъи была улыбка. В его зрачках отражались фигуры всех троих.

Если бы кто-нибудь сейчас посмотрел Цзян Чэнъи в глаза с близкого расстояния, то увидел бы: от трёх отражённых в них силуэтов исходит чёрно-серое сияние.

Отец Лу на этот раз и правда разозлился. Он не понимал, с чего у его родного сына вообще могли появиться такие мысли.

Он с силой хлопнул ладонью по столу и гневно поднялся.

— Мы твои родные родители! Люди, которым ты в этом мире должен верить больше всех!

Один давил жёсткостью, другая брала мягкостью: мать Лу продолжала жалобно плакать, всем своим видом показывая, что родной сын разбил ей сердце.

Цзян Чэнъи вздохнул.

И в тот миг, когда они уже решили, будто он понял свою ошибку, он сказал:

— Этот приём с кнутом и пряником на мне не работает. Между нами нет никаких чувств. Разыгрывать такое правда слишком неловко.

Сказав это, он посмотрел на отца Лу:

— И слова смешные, и злость у тебя фальшивая. Вы сами не понимаете, насколько плохо играете?

К тому же они двадцать два года не общались. Откуда здесь могло взяться доверие?

У отца и матери Лу снова будто что-то застряло в груди. Что это за манера разговаривать!

Слёзы на лице матери Лу остановились. Она некоторое время смотрела на молодого человека и убедилась: в его глазах нет ни малейшего трепета родственных чувств.

Она вытерла слёзы с лица и изобразила холодность женщины, которую ранил собственный ребёнок.

— Ты ведь знаешь, что ты нам родной сын, верно?

Не дожидаясь ответа Цзян Чэнъи, она продолжила:

— Родные родители нашли тебя, а ты совсем ничего не чувствуешь. Это потому, что твой приёмный отец, когда ты был маленьким, наговорил тебе чего-то?

Точно!

Отец Лу резко опомнился. Этот его родной сын так спокоен — наверняка с детства был настроен приёмным отцом против них.

Иначе нормальный человек, узнав, что родные родители сами пришли к нему, хоть немного да удивился бы!

К тому же их семья такая богатая!

— Он сказал тебе, что мы нарочно тебя бросили? — выдвинул он догадку.

Чем больше он думал, тем вероятнее это казалось. Безразличие Цзян Чэнъи он сразу принял за защитную оболочку, которой тот прикрывал свою боль.

Хорошо ещё, что Цзян Чэнъи не знал, о чём он думает. Иначе его точно стошнило бы от злости.

Отец Лу решил, что разгадал внутренний мир Цзян Чэнъи, и с видом человека, убитого горем, начал рассказывать, что случилось тогда.

— В этом деле правда не было нашей вины. Медсестра по невнимательности перепутала детей, поэтому вы столько лет и жили не в своих семьях.

Отец Лу говорил, говорил — и у него в уголках глаз даже выступили слёзы, словно он дошёл до самого больного места.

Мать Лу поджала губы и отвернулась. Время от времени она вытирала слёзы салфеткой, а плечи у неё слегка подрагивали.

Лу Цзинъань тоже скорбел вместе с ними и с тошнотворной интонацией упрекал Цзян Чэнъи:

— Старший брат, как ты можешь винить папу и маму? Ты не знаешь, как тяжело им было ради тебя!

У него покраснели глаза, и вид был такой жалкий, будто он страдал из-за несправедливости, причинённой родителям.

От этого отец и мать Лу только сильнее прониклись жалостью к Лу Цзинъаню. В душе они подумали: и правда, только ребёнок, которого они сами вырастили, умеет быть благодарным.

Глядя на них, Цзян Чэнъи тихо вздохнул.

Под их выжидающими взглядами он убрал улыбку с лица и холодно посмотрел на троих перед собой.

— Я и правда уже посмотрелся на вашу игру. Похоже, если не сказать всё прямо, вы так и будете лицемерно разыгрывать спектакль.

Он скрестил руки на груди, откинулся назад и произнёс фразу, от которой все трое потрясённо замерли:

— Мой папа... ах да, тот самый приёмный отец, о котором вы говорите, после моего вступительного экзамена в старшую школу, когда мне было пятнадцать, уже водил меня к вам.

То есть тогда они уже виделись.

— По совпадению встретились мы в больнице. Тогда этот... — он указал на Лу Цзинъаня, у которого дрожали зрачки, и продолжил: — ...из-за травмы нуждался в переливании крови, поэтому вы уже тогда узнали, что он не ваш родной сын.

Раз узнали, почему же пришли только сейчас?

Лу Фэйюнь вмиг лишился дара речи. На слова Цзян Чэнъи он не мог найти никакого объяснения. В груди у него даже поднялось лёгкое раздражение: с чего этот ребёнок пришёл к

ним уже в пятнадцать лет?

— Потому что... тебя было очень трудно найти. Папа и мама искали тебя до сих пор. Как ты можешь сомневаться в их чувствах к тебе? — Лу Цзинъань быстро пришёл в себя и нашёл им оправдание.

Отец и мать Лу поспешно закивали:

— Да-да-да, именно так!

Но супруги Лу не успели облегчённо вздохнуть: следующая фраза Цзян Чэнъи стала настоящим добиванием.

— Во второй раз мы встретились через месяц после больницы. Вы сами пришли ко мне. Тогда вы думали, что я ничего не знаю, и нарочно устроили со мной «случайную встречу» в маленьком парке.

Слова «случайная встреча» он произнёс особенно отчётливо.

На губах Цзян Чэнъи появилась насмешливая улыбка:

— Я тогда тоже был довольно вредным. Нарочно притворился глуповатым и решил посмотреть, заберёте ли вы домой такого дурачка-сына.

А потом? А потом ничего.

Если бы семья Лу тогда не побрезговала, сейчас он уже давно был бы в провинции Жун, а не в Хуачэне.

Цзян Чэнъи покачал головой.

— Вы думали, я ничего не знаю. А оказалось, я знаю всё.

Люди, которые считают других дураками, обычно и есть самые большие дураки.

К тому же эта супружеская пара даже не пыталась скрывать, насколько перекошены их сердца. Хотели признать родного сына — так хоть бы для вида постарались!

Сказав это, Цзян Чэнъи развёл руками и повторил прежний вопрос:

— Так зачем вы на самом деле меня искали?

Есть дело — говорите по делу. Если он ещё немного посмотрит на их спектакль, его правда вырвет.

Приходить без причины с показной любезностью — либо коварство, либо воровство¹. Этот принцип он всё-таки понимал.

Лица отца и матери Лу сейчас были на редкость некрасивыми. Рука отца Лу, лежавшая на столе, едва заметно дрожала.

Этот ребёнок... почему он всё знает?

Увидев, что они молчат, Цзян Чэньи не почувствовал разочарования. Он ещё в пятнадцать лет успел окончательно в них разочароваться.

Он поднялся с места.

— Раз вы не говорите, значит, нам больше не о чем разговаривать.

С этими словами он шагнул к выходу.

— Подожди! — увидев, что он уходит, мать Лу поспешно громко окликнула его.

Она уже не притворялась. С холодным лицом она сказала:

— Я твоя мать. Даже если тогда мы не признали тебя, это ничего не меняет. В конце концов, я человек, который тебя родил.

А значит, ты с рождения мне должен.

Она прямо сказала, зачем они приехали на этот раз:

— Сяо Ань слишком слаб здоровьем, поэтому семье нужно, чтобы ты вступил в брачный союз.

Цзян Чэньи: О_о???

Он заподозрил, что у него что-то с ушами. Иначе почему он услышал, как кусок дерьма разговаривает?

Видя, что он молчит, мать Лу продолжила:

— Мы тоже не будем плохо с тобой обращаться. Часть семейного имущества можно отдать тебе, но ты должен слушаться будущую жену и не спорить с ней.

— Если точнее, ты женишься на правах зятя-примака.

Цзян Чэнъи давно не испытывал такого яркого чувства безмолвия. Способность этой женщины видеть сны наяву была поистине непобедима.

— Я отказываюсь.

Мать Лу не приняла его слова всерьёз. Она решила, что этот ребёнок просто не знает, сколько у семьи имущества.

— Доли компании тебе дать нельзя, но недвижимость, наличные и золото в семье можно выделить. Мы подготовим тебе пятьдесят миллионов «приданого». Этого хватит, чтобы всю оставшуюся жизнь ты не знал нужды.

Пятьдесят миллионов. Не то что обычный человек из провинциального города, даже высокооплачиваемый работник в мегаполисе первого уровня перед такой суммой дрогнул бы.

Сказав это, мать Лу улыбнулась уверенно и твёрдо. Она не верила, что кто-то сможет отказаться от таких условий.

— Я отказываюсь.

Цзян Чэнъи почти не думал, когда отказал во второй раз.

Мать Лу широко раскрыла глаза и недоверчиво посмотрела на него:

— Тебе мало пятьдесят миллионов? Не будь таким жадным!

Цзян Чэнъи некоторое время смотрел ей в глаза, потом достал телефон, несколько раз нажал на экран и начал считать цифры на счете:

— Единицы, десятки, сотни... миллионы, десятки миллионов, сотни миллионов...

— А-а... — он довольно прищурился, мысленно бешено благодаря папу и отца за оставленное ему имущество.

— Хотите брачный союз — отправляйте туда ребёнка, которого сами вырастили. Мне не важен ни ваш статус родных родителей, ни эти деньги.

Он убрал телефон и помахал всем троим рукой.

— В будущем нам лучше не общаться. Отец — не отец, сын — не сын. Вы можете не вести себя как люди, а я всё-таки собираюсь оставаться человеком.

Под взглядами троих он с улыбкой развернулся и ушёл.

После его ухода атмосфера стала напряжённой. На лице матери Лу всё ещё застыло изумление, и в душе она снова и снова спрашивала себя, почему Цзян Чэнъи совсем не соблазнился этими деньгами.

Отец Лу явно был взбешён не меньше. Лицо у него посинело, почти почернело, одна рука прижималась к груди.

А Лу Цзинъань был самым растерянным и самым тревожным из всех присутствующих.

Потому что если не удастся разобраться с этим подставным... с Цзян Чэнъи, через полгода ему самому придётся жениться на толстой, старой и уродливой женщине!

Вспомнив кое-какие сведения, которые прежде раскопал, и методы той женщины... его худое тело резко передёрнуло.

Нет, он ни за что не станет зятем-примаком!

— Папа, мама... Он ушёл. Что нам теперь делать?

Лу Фэйюнь глубоко нахмурился. Лишь спустя долгое время он сказал:

— Возможно, он просто не верит, что у нас есть такие деньги. Когда он своими глазами увидит пятьдесят миллионов, он не устоит перед соблазном.

Значит, им лучше сначала достать деньги.

— Не пожертвуешь приманкой — не поймаешь волка. Если у него останутся сомнения, мы можем сначала дать ему часть.

Например, сначала дать десять миллионов?

Десять миллионов?

Взгляд Лу Цзиньгана дрогнул. У него самого не было десяти миллионов. С какой стати отдавать их тому человеку?

Но ворчать он осмеливался только про себя, вслух сказать не смел.

Он видел: пусть у этих родителей и не было особых чувств к тому человеку, в душе у них всё же оставалась капля вины.

Иначе они не стали бы прибавлять ещё десять миллионов к изначально оговорённым сорока.

Конечно, главное было в том, что эти пятьдесят миллионов не шли ни в какое сравнение с важностью успешного брачного союза.

Если союз состоится, отец сможет заполучить ту семью, а компания — выйти на огромный зарубежный рынок.

Тогда не то что пятьдесят миллионов, пятьдесят миллиардов окажутся в их руках!

Стоило ему подумать об этом, как вся муть в груди сразу рассеялась.

Пятьдесят миллионов — даже если их и правда отдадут тому человеку, тот ещё должен суметь прожить достаточно долго, чтобы их потратить.

¹ «Без причины проявлять любезность — либо коварство, либо воровство» — китайская пословица о подозрительной услужливости: если человек вдруг слишком старается угодить, значит, у него почти наверняка есть скрытый расчёт.

<http://bllate.org/book/17657/1718298>